

ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук
Комментарий на Евангелие от Матфея¹

ИСКУШЕНИЕ ИИСУСА. 4:1–11 (Лк. 4:1–13; ср. Мк. 1:12–13)

1 Тогда Иисус возведён был Духом в пустыню, для искушения от диавола, **2** и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. **3** И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. **4** Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. **5** Потом берёт Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, **6** и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнёшься о камень ногою Твоею. **7** Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего. **8** Опять берёт Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, **9** и говорит Ему: всё это дам Тебе, если, пав, поклонись мне. **10** Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи. **11** Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему.

Нам, обычным людям, трудно понять, какой была внутренняя жизнь Иисуса — этого необыкновенного Человека, Который был вполне Человеком, как и мы: со Своим человеческим разумом и волей, с человеческой способностью воображать и чувствовать, какой обладаем и мы, — и при всём том Его человечество было непостижимо соединено с Божеством в единой Личности Сына Божия. Поэтому мы едва ли можем составить себе представление о том, что происходило в Его душе во время крещения и сошествия на Него Святого Духа. Но совершившееся призвание к мессианскому служению, которому предстояло до основания изменить Его прежнюю,

¹ Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

внешне столь тихую жизнь, не могло не оказать сильнейшего воздействия на Его внутренний мир — именно потому, что Он был вполне Человеком.

Он, до сих пор скромно живший рядом со Своей Матерью, можно сказать, подобной Ему по святости и чистоте, теперь, как Агнец Божий — как Креститель сказал о Нём своим ученикам (Ин. 1:29), — видел лежащую на Своих плечах чудовищную тяжесть грехов всего мира. И как Спаситель мира Он словно чувствовал в Себе всю ту нужду, все те скорби и страдания, какие стоят за этим множеством грехов, — этот разливающийся по земле чёрный и горький поток, с волнами которого люди борются и в котором тонут. Ему нужно было остаться одному, чтобы в полном уединении внутренне пережить всё это, прежде чем войти в самую гущу грешного человечества и взять на Себя его крест, исполняя Своё служение Исккупителя и Мессии.

Но в пустыню влекло Его и нечто иное: **(1)** Сам Святой Дух. Марк употребляет здесь слово ἐκβάλλει, основное значение которого — «изгнать», «вытолкать», «выбросить наружу», — то есть речь идёт о непреодолимом, почти насильственном выведении вовне. Столь же необычен был и замысел Святого Духа: «чтобы быть Ему искушаемым от диавола».

В Послании к Евреям сказано: *мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушён во всём, кроме греха* (Евр. 4:15). Сам Христос не мог согрешить. Для Него это было невозможно и физически, и метафизически. Несмотря на две природы и, следовательно, две воли, у Него была только одна Личность — Бога Слова, а она никогда не могла быть субъектом греха. И всё же, прежде чем войти Ему как Исккупителю в среду грешников, Он должен был приблизиться ко греху настолько, насколько это вообще возможно для Богочеловека, чтобы и в этом иметь человеческий опыт. Конечно, из Него Самого не могло возникнуть никакого искушения ко греху — ни из Его воображения, ни из Его чувственного стремления. Он был совершенно свободен от первородного греха со всеми его последствиями и обладал преизбытком спасительной благодати. Более того: вследствие ипостасного соединения, то есть соединения с Божеством в единой Личности Сына Божия, Его человеческая душа по самой своей природе и по существу была свята. Поэтому искушение могло быть принесено к Нему только извне — «искусителем», диаволом. А Он позволил не только приблизить к Себе это искушение, но и допустить его внутрь — настолько глубоко, насколько это было возможно для Него: в область Своих представлений и чувств. Те самые искушения, которые Он как человек должен был бы ощутить в таком положении, если бы они могли возникнуть из Него Самого, диавол теперь привносит в Него извне.

По-человечески рассуждая, эти искушения должны были стать своего рода испытанием: готов ли Иисус исполнять вверенное Ему мессианское служение и пользоваться дарованными для этого вышеестественными силами всецело по мысли и воле Отца, без примеси каких-либо эгоистических побуждений.

Итак, и Бог — здесь Сам Святой Дух — порой вводит в искушение. Это не значит, что Сам Он искушает кого-либо (Иак. 1:13). Но при известных обстоятельствах Он ставит человека в такие условия, из которых возникает искушение. Конечно, Он делает это совсем с иным намерением, чем диавол. Бог допускает это, чтобы испытать нас, и вместе с тем даёт Свою благодать, чтобы мы могли устоять в искушении. *Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10:13). Но, хотя искушение и может быть попущено Богом, Спаситель в то же время научил нас молиться «не введи нас во искушение», то есть: непусти нам оказаться в таких обстоятельствах, в которых мы, по слабости и недостатку доброй воли, на деле всё же падём.

Допустив Своё собственное искушение, Спаситель по любви к нам совершил для нас великое дело. Его искушение становится для нас утешением в те моменты, когда искушения мучают нас. Оно показывает нам, что из-за искушений нам не нужно ни стыдиться, ни тревожиться, какими бы отвратительными они ни были. Сатана даже Его дерзнул призывать к поклонению себе — что же говорить о нас! Искушение, пусть оно захватывает всю нашу чувственную сферу, пока оно остаётся искушением, нисколько не нарушает нашего соединения с Богом — так же как оно не могло причинить никакого ущерба ипостасному соединению человечества Христа с Божеством. Одновременно пример Иисуса учит нас, как нужно поступать с искушителем, чтобы обратить его в бегство.

Для всего вышесказанного Дух и возвёл Иисуса в пустыню: от Иорданской низменности, где из-за множества людей, приходивших к Иоанну и уходивших от него, кипела шумная жизнь, — вверх, по изрезанным ущельями склонам к западу от Иорданской долины, далеко от многочисленных горных дорог, в безлюдные места, куда едва ступает нога человека и где не слышно ни звука, кроме ночного воя шакалов. «Он был со зверями», — говорит Марк (Мк. 1:13).

Здесь Он постился не обычным для древнего Востока образом, когда после захода солнца можно было что-нибудь съесть, а дни и ночи напролёт, то есть, как прямо говорит Лука, *ничего не ел* сорок дней (Лк. 4:2). **(2)** «После этого Он взалкал». Значит, в течение всего этого времени Он, по-видимому, совсем не чувствовал голода. Всей душой Он был так погружён в те мысли, о которых говорилось выше, и так

пребывал под действием Святого Духа, приведшего Его сюда, что был словно отрешён от всех Своих телесных ощущений и потребностей. Он так же мало чувствовал голод, как и ночной холод здесь, в горах; не видел и не воспринимал всей мрачной, рассечённой ущельями пустыни, которая Его окружала. В таком состоянии искушитель не осмеливался приблизиться к Нему. Дьявол достаточно хитёр. Пока человек целиком находится под непосредственным действием Божиим, он недоступен для искушения. Дьявол это знает.

Но он знает и другое: состояния душевного подъёма, какие мы можем переживать, например, во время духовных упражнений или в иные благодатные часы, сменяются состояниями ослабления и упадка, когда человек остаётся один на один со своими естественными силами и слабостями. Это самое опасное положение — уже по самой противоположности тому, что было перед этим. Здесь бывает примерно так, как после горячей ванны: тело, наполненное приятным теплом и вместе с тем усталостью, легче всего подвергается простуде. Поэтому и в отношении Иисуса сатана теперь счёл, что настало его время, — **(3)** «и приступил к Нему». Конечно, приступил в зримом облике, как это следует из всего характера рассказа, не в каком-нибудь видении и не в галлюцинации, порождённой ослабленными голодом чувствами Иисуса. Так же ясно, что искушитель приблизился к Иисусу не в отвратительном обличье, как это любят изображать художники. Кого дьявол хочет склонить на свою сторону, того он не будет сразу пугать. Скорее всего, он выглядел как путник, будто бы случайно оказавшийся на дороге: увидел в пустыне утомлённого, голодного человека, вероятно, услышал и что-то из его молитвенных слов, а теперь с участливым видом даёт ему, казалось бы, добрый совет: «Если Ты Сын Божий...». По-видимому, не случайно в греческом тексте здесь нет артикля: не «Тот Самый Сын Божий», а просто «сын Божий». Дьяволу не вполне ясно, Кто перед ним. Но в том, что Иисус — Мессия, он не сомневается. «Если Ты Сын Божий», — то есть дьявол надеется таким образом выяснить, как всё обстоит на самом деле, — «скажи, чтобы камни сии сделались хлебами».

Такая мысль напрашивалась сама собой. «В Иудейской пустыне есть камни, которые снаружи похожи на белые хлебцы: это обломки твёрдого кремня, обкатанные и отполированные ветром и песком» (Ф. М. Виллам «Жизнь Иисуса»). Как было бы хорошо, если бы всё это стало хлебами и можно было бы, наконец, досыта поесть! И почему бы Ему этого не сделать? Он обладает чудотворной силой и вот уже сорок дней и ночей ничего не ел в пустыне, в которую Его ввёл Сам Святой Дух. Но именно в этом и заключалось лукавство искушителя: Иисус должен был воспользоваться чудотворной силой, данной Ему для подтверждения божественного слова и для

помощи людям, ради Самого Себя — чтобы выйти из бедственного положения, в которое привело Его мессианское призвание.

(4) Иисус ответил ему: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». В этой цитате из Втор. 8:3 имеется в виду не слово Божие как необходимая и более важная, чем телесная, пища для души. Контекст был другой: Моисей напоминал тогда иудеям, как Бог испытывал их в пустыне и попустил им терпеть голод, а потом чудесно наплатил их манной. Из этого они должны были понять, что Бог Своим всесильным словом может дать Израилю пищу и тогда, когда естественным образом этого уже нельзя ожидать. Спаситель, таким образом, возражает искушителю: «Могущественный промысл Божий может позаботиться обо Мне и теперь, когда Я по Его воле терплю голод в этой пустыне».

Но задача диавола — выяснить, точно ли Сын Божий перед ним — не решена. Христос отвечает искушителю только словом Писания — таким словом, которое в подобном положении мог бы употребить всякий благочестивый человек. Иисус не желает, чтобы из Его уст диавол узнал, что Он есть Сын Божий. Одно, однако, диаволу всё же стало ясно: на обычных слабостях Этого Человека не поймать, Он слишком духовен и слишком глубоко живёт словом Божиим. Но искушитель хорошо изучил людей. Он знает: к тем, к кому нельзя пробраться снизу, нередко удаётся подступиться сверху. Сколь многие, обуздавшие свои низшие вожеления строгой аскезой, падали через духовную гордость! Поэтому сатана, словно гибкий дипломат, сразу меняет тактику.

(5) «И берёт Его в святой город и ставляет Его на крыле храма». Как уже было замечено, сам характер рассказа исключает мысль, будто эти искушения были чисто визионерским событием, причиной которого могли бы стать чрезмерно возбуждённые чувства Иисуса. Их причиной было деятельное вмешательство сатаны. С другой стороны, обстоятельства также исключают, что он в действительности перенёс Господа по воздуху и поставил на крыле храма. Не говоря уже о том, что ни одним словом не упомянуты зрители внизу, в храме, — после того как искушения закончились и сатана оставил Иисуса, Он оказывается не в святом городе, а в пустыне, на том же месте, где был с самого начала. Значит, деятельное влияние диавола простиралось на чувственную сферу Иисуса. Он, Чистейший, Чьи чувства сами по себе не могли прийти в смятение, позволил искушителю внутренне приблизиться к Себе настолько, насколько это вообще было возможно. Поэтому диавол смог произвести такое действие на чувства Иисуса, что Он как бы на самом деле увидел Себя поставленным на крыле храма.

Что именно следует понимать под «крылом храма», сказать не так просто. Едва ли имеется в виду крыша самого храмового здания в собственном смысле. В таком случае Матфей, вероятно, употребил бы другое греческое слово — *ναός*, а не *ἱερόν*. Кроме того, храмовое здание, стоящее на горе, было окружено пристройками высотой около тридцати метров, поэтому падение на них с храма не было бы столь страшным. Но к святилищу относились и другие постройки. Сам храм стоял во дворе священников, который был окружён двором мужчин; к востоку от него находился двор женщин. Все эти дворы вместе составляли так называемый внутренний двор, вокруг которого располагался огромный внешний двор, называемый также «двором язычников», потому что только туда имели доступ не иудеи. Внутренний двор был замкнут стенами с башнеобразными воротами и пристройками. Внешний же двор окружала мощная крепостная стена, возведённая от подножия храмовой горы и увенчанная зубцами. Её окружность составляла шесть стадиев (один стадий равен примерно 192 метрам), а с внутренней стороны к ней местами примыкали высокие колоннады. Об этом подробнее будет сказано при описании храма в главе 21. На один из этих зубцов диавол, вероятно, и поставил Спасителя в духе; или, может быть, на крышу великолепной трёхнефной южной колоннады, так называемой «царской галереи», с которой, по словам Иосифа Флавия, открывался вид в страшную пропасть. Там Иисуса несомненно должно было охватить головокружение.

И этой возможностью пользуется искушитель: **(6)** «Если Ты Сын Божий, бросься вниз». Это весьма тонкое искушение, которое сатана хочет внушить Спасителю именно в том состоянии, в каком Он оказался после Своего сорокадневного поста. «Теперь у Тебя есть возможность проявить Своё упование на Бога; теперь Ты можешь Сам предоставить Богу случай исполнить на Тебе Его обетование — ибо написано...». Тем более что в одном мидраше сказано: «Наши учителя предсказывают: когда откроется Царь-Мессия, Он придёт и станет на крыше святилища. Тогда Он возвестит израильтянам и скажет: бедные, время вашего избавления настало; и если вы не верите, смотрите на мой свет, восходящий над вами». Если Иисус бросится оттуда вниз и Его понесут ангельские руки, тогда все посетители храма будут ликовать и приветствовать Его. Это и было бы то самое «знамение с неба», которого иудеи позже постоянно и напрасно требовали от Иисуса. Одним ударом, одним блистательным зрелищем Он завоевал бы все сердца — и Ему не пришлось бы идти долгим, полным горьких тягот мессианским путём, который предназначал Ему Отец.

Но Иисус с полной ясностью прозревает коварные мысли искушителя. **(7)** «Написано также: не искушай Господа Бога твоего» (Втор. 6:16). Иисус имеет

твёрдое упование на Бога — Он несомненно поможет Ему в любых опасностях, в которые Его может привести Его служение. Но самому вызвать такую опасность и попытаться предписать Богу, каким образом Он должен прийти на помощь, — это значило бы искушать Бога; тем более если это совершается из тщеславия или с намерением достичь цели более лёгким путём, чем тот, который соответствует воле Божией.

И снова диавол побеждён. Это возбуждает его ярость. Неужели Этого Человека действительно никак нельзя одолеть? Есть одно средство, которое до сих пор ещё никогда не отказывало, даже с самым смиренным человеком. Нужно только его — это средство — должным образом употребить.

(8) «Опять берёт Его диавол на весьма высокую гору». Бесполезно исследовать, какая это могла быть гора, потому что речь идёт не о физическом перенесении, а снова о воздействии на чувства Иисуса. Конечно, даже с самой высокой горы невозможно увидеть «все царства мира». Но и это было дальнейшим воздействием диавола на воображение Иисуса. «Он дал Ему увидеть» — так точнее всего следует передать греческое выражение καὶ δείκνυσιν αὐτῷ, которым переведено еврейское слово Матфея, — «...со всей их славой», со всей красотой, какой наделила царства мира природа и какую создало в них человеческое искусство. Всё это богатое величие маняще сияет перед человеческими глазами Иисуса, Который до сих пор мало что видел, кроме бедного домика в Назарете. Власть и обладание! Даже самый благородный человек с трудом противится этому соблазну, особенно если имеет на это законное право. А Мессия и должен стать Царём, Владыкой мира. **(9)** «Всё это дам Тебе — Тебе не нужно сначала завоёвывать это на трудном мессианском пути страданий; я, кому всё это принадлежало до сих пор, добровольно отдаю это Тебе. Только при одном условии: если, пав, поклонись мне».

Здесь видно, что это последняя, отчаянная попытка диавола. Иначе он не выдал бы в конце так безрассудно, чего в конечном счёте он добивается всяким своим искушением — а именно, отпадения от Бога и поклонения себе. Поэтому на этот раз Спаситель отвечает уже не одним только словом Писания. **(10)** «Отойди от Меня, сатана!» — властно велит Он ему. Но, как и в предыдущие разы, приводя в обоснование Слово Божие — «ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Втор. 6:13), — Он опять не говорит ничего, кроме того, что сказал бы и должен был бы сказать всякий благочестивый человек. Тайна Сына Божия не раскрыта Иисусом диаволу — однако тот всё же чувствует такую силу, блистающую из очей Спасителя, что, побеждённый, оставляет поле брани.

(11) Упование Иисуса на Бога, выраженное в ответе на первое искушение, не осталось напрасным. Как всемогущее слово Божие чудесно питало израильтян в пустыне, так теперь «пришли ангелы и служили Ему». Греческое слово *διηκόνουν* чаще всего означает именно прислуживание за трапезой, и здесь оно подходит лучше всего.

Только ещё один раз в жизни Иисуса мы видим, что Отец посылает Ему ангела, чтобы укрепить Его: на Елеонской горе. Тогда смертная борьба была так тяжела, что без этой помощи Он изнемог бы под её тяжестью. Очевидно, и здесь, в пустыне, Иисус после долгого поста был так истощён, что силы Его были на исходе. Значит, сатана выбрал самое удобное время, чтобы напасть на Него со всеми своими уловками. Но хотя тело Его было почти на грани изнеможения, а чувства во время искушения были полностью отданы во власть диавола, дух Иисуса оставался сильнее всей диавольской силы.

Итак, Он блестяще выдержал мессианское испытание. Святой Дух поставил Иисуса в тяжкие обстоятельства, когда посреди пустыни как бы отступил от Него, оставив Его один на один с телесной немощью. И борьба с диаволом, когда тот пустил в ход всю власть над чувствами Иисуса, насколько это было ему попущено, была крайне тяжела. Но Иисус неуклонно шёл к цели путём, предназначенным Ему Богом, и твёрдо держался слова Божия. Тем самым Он победил диавола и для нас. И более того: Иисус показал нам, как и мы можем побеждать его, даже если искушение бывает очень велико — когда изнемогают иссякшие телесные силы, когда у нас кружится голова и бушуют чувства, когда то, что советует искушитель, порой кажется единственно разумным, даже угодным Богу выходом. А именно: держаться слова Божия — посреди самого тяжкого смятения. Слово Божие даёт ясность там, где мы сами уже ничего не видим. А вместе с ясностью оно даёт покой, и вместе с покоем — силу. Кто теряет покой, тот уже начинает колебаться. В то же время пример Иисуса показывает нам, как важно не вступать с искушителем в спор о доводах «за» и «против». Именно это стало гибелью Евы в раю. Ответы Иисуса кратки и точны: это слова Божии, слова Писания, а не собственные рассуждения. Здесь сатана бессилён.

Рационалистическая критика, как и следовало ожидать, видит в рассказе об искушении Христовом чистый вымысел. Расходятся лишь мнения о происхождении и назначении этого вымысла. Однако ни одному критику до сих пор не удалось хотя бы приблизительно объяснить, как первые христиане, верившие в Божество Христово, могли бы включить в Евангелие такой почти непостижимый рассказ о своём Господе, если бы он не основывался на истине.

На вопрос же, откуда евангелисты могли знать эту историю, если Иисус пережил искушения в пустыне один, без свидетелей, ответ очень прост: Он Сам рассказал её Своим апостолам. Он не постыдился сообщить им о том, что и Он подвергся искушениям, так же как на Елеонской горе Он не постыдился иметь при Себе трёх апостолов свидетелями Своей немощи, Своей смертной борьбы и даже искать у них утешения. Он был смирен — поистине смирен. Поэтому и нам не нужно стыдиться открывать свои искушения духовно опытному человеку, которому можно доверять. Часто это лучшее средство победить их. Дьявол боится света. И наоборот: кто ходит один на один со своим искушением, скрывая его от всех, как вор, и при этом слишком горд, чтобы позволить кому-то заглянуть в свою душу, тот таким образом создаёт наилучшую почву для тайного греха. В то же время этот евангельский рассказ предостерегает нас от того, чтобы презирать какого-либо человека за то, что он подвергается искушениям, а уж тем более за то, что открывает их другим. И кто из нас дерзнул бы презирать Чистейшего и Святейшего за то, что Он поведал апостолам эту историю Своих испытаний?